

РЕЗЮМЕ

3-й номер «Történelmi Szemle» за 1974 год на первом месте поместил работу *Белы Беллера*, которая анализирует историко-политическую концентрацию и историческое столкновение крестьянской войны под предводительством Дожи в венгерской историографии до 1945 года.

Историко-политическое содержание и историческая картина крестьянской войны Дожи 1514 года на протяжении многих столетий определялись антикрестьянским подходом современных феодальных историков. С исторической точки зрения впервые к этому вопросу подходит в начале 18-го века Матьяш Бел, представитель школы изучения вопросов государства, который подчеркивает историческое происхождение крепостного права, видит в крепостном свободолюбивого человека. Представители критической историографии Дьердь Прай и Иштван Катона расширили базисные источники. Рационализм эпохи просвещения, а позднее романтизм проявились в обработке Й. Кр. фон Энгель и, особенно, И. А. Фесслера. Старое феодальное представление в изображении крестьянской войны впервые было опровергнуто Михаем Хорватом, который являлся самой значительной фигурой в области историографии среди венгерского либерального дворянства. С одной стороны он показывает причины возникновения крестьянской войны, с другой стороны, объявляет исторический приговор ничем не оправданной дворянской мести, разбившей нацию на два антагонистических лагеря. После поражения венгерского освободительного движения 1848—1849 годов во время неабсолютизма сформировалась картина крестьянской войны, данная Ласло Салаи, илущего по пути к позитивизму. Салаи считает крестьянскую войну антифеодальной классовой борьбой, целью которой является освобождение крестьянства, уничтожение господствующего класса. Ограничение прав крепостных он также считает с исторической точки зрения трагическим шагом. Положительные методологические успехи позитивизма были приняты историками, сторонниками консервативных взглядов, как например, Вильмошом Фракнои и его соратниками. Исследования о Доже во многом обязаны им в области изучения источников, и намного в меньшей степени, в области анализа историко-политического содержания и исторической картины. Возобновившееся в конце 19-го начале 20-го веков народное движение вновь обратило к вопросу Дожи либерала Шандора Марки, буржуазного рэдикала Игнаца Ачади, а также социал-демократов Эрвина Сабо и Шандора Чизмади. В их работах впервые в области изучения Дожи отражается более или менее сформированное марксистское мировоззрение. Один из них, Марки, создает и до наших дней являющуюся наиболее фундаментальной монографию о Доже. Он полностью освобождает Дожу и его движение от тяжести феодальной точки зрения и, располагая огромным материалом знаний, старается осветить этот вопрос с точки зрения истории. И несмотря на это, в портрете Дожи, нарисованного им, преобладают не черты крестьянского революционера 16-го века, а черты либерального реформиста 19-го века. Господствующее течение историографии время контрреволюции, как это показывает Дьюла Секфю, не в состоянии понять революционную сущность крестьянской войны. Однако некоторым историкам удалось преодолеть этот идеологический барьер; их исследования, заслуживающие внимания, направили трактовку вопроса о Доже в новом направлении. По мнению Элемира Маюса, движущей силой крестьянской войны являлась буржуазия аграрных городов, не имевшая возможности развиваться и потому вставшая на революционный путь; крепостное крестьянство лишь присоединилось к ней. Иштван Сабо, исходя из фактов разорения участков земли, разрушения усадеб, в 14-ом веке приводит практически к таким-же выводам. Народные писатели стараются выработать альтернативу в противовес основной идеологии эпохи контрреволюции. Однако в книге о Доже Геза Фея литературными красками изображена не трагедия крестьянина-революционера, угрожающего уничтожением всего феодального строя, а катастрофа реформатора, ищущего союза с дворянством для защиты страны и таким образом стремящегося повысить роль народа в обществе.

Статья *Миклоша Сабо* — прежде всего на основе немецкого развития — анализирует оформление некоторых новых черт консервативной идеологии континентальной Европы в период конца XIX — начала XX. вв.

Во многих странах Европы, в 1870 годах, под влиянием начавшегося рабочего движения и кроме того кризиса 1873 года, стал возрождаться консерватизм, который — в отличие от консервативных партий период 1848—1870 гг. — не только в оценке темпа буржуазного развития отличался от либеральных партий, но отличался и тем, что он консерватизм в качестве самостоятельного принципа противопоставил либерализму. Данную разновидность консерватизма — основой которого является буржуазное развитие — автор статьи называет *повым консерватизмом*.

Характерной чертой нового консерватизма является осуждение свободной, либеральной конкуренции, как антисоциальной практики. В противовес данной конкуренции он подчеркивает понятие солидарности. Для дворянских, крестьянских и мелкобуржуазных слоев, для которых свободная конкуренция являлась бы невыгодной, провозгласил — в качестве практического осуществления солидарности — программу организации для представительства интересов. В интересах разрешения социальных проблем он требовал ревизии свободы индустрии, государственной социальной политики. В области экономической жизни он вместо либеральной свободной конкуренции подчеркивал значение идеи о, стоящей под определенной контролью, экономики.

На основе всего выше сказанного новый консерватизм — в отличие от более ранних течений консерватизма — рассматривался в качестве не, имеющего свои корни в прошлом, движения, а в качестве нового политического движения, которое дает альтернативы для разрешения таких социальных проблем, которые для либерализма являлись неразрешаемыми. Новый консерватизм — на основе данной программы — хотел создать себе массовое движение, в интересах чего старался освоить возникшие на базе рабочего движения методы организации массовой партии и современной пропаганды.

Начиная с 90-х годов, имея в виду наличие монополизационной экономики и развитие империализма, общественный характер одной части новоконсервативных движений меняется. В то время, когда новый консерватизм 70-х годов в первую очередь стремлениям дворянских кругов старался дать популярный характер, тогда, начиная с 90-х годов, одна часть данного движения становится «популярной трансмиссией» наиболее сознательной части монополистической буржуазии.

В ходе данного преобразования в сфере новоконсервативной идеологии традиции, навыки, и конвенции из имеющего общественное содержание понятия превращается в политический миф. Автор статьи данное преобразование прежде всего при помощи известной социологической пары противоположностей Тонниеса «Общество-коллектив» желает показать. В то время, когда Тонниес, описывая понятие «коллектив»-а изображал существовавшую на деле культуру навыков, — чтобы найти возможность для их сохранения — тогда в практике нового консерватизма в области разыскивания идеологии в конце XIX — начале XX веков — преобладающее место занимает стремление: охватывающее все современное капиталистическое общество организационные формы — судя по типологии Тонниеса, как характерные общественные явления — изображать в качестве явлений, имеющих характер «коллективов», точнее для такого рода преобразования этих организационных форм дать политическую программу. Автор статьи данное идеологическое стремление называет *конвенционализмом*.

Новый консерватизм в ходе своего преобразования в 90-х годах находит себе связи с *национализмом*, с которым более ранний консерватизм стоял в резкой противоречии. Новый консерватизм — в отличие от националистического взгляда западноевропейских капиталистических государств, (имеющего либеральный оттенок и в центре которого стояло государство) осваивает происходящую из романтики этноцентрическую националистическую теорию, приобретая тем самым себе возможность для того что бы возможных врагов нации искать не в других государствах, а в рамках своего собственного общества, в рядах внутривнутриполитических противников, таким образом эмоциональные энергии национализма применять в сфере внутривнутриполитической борьбы.

Работа *Миклоша Лауко* посвящена проекту политического тезиса, так называемого тезиса Блюма, написанного Дьердем Лукачем в конце 1928 года. Этот план тезисов относится к особым документам венгерского рабочего движения. Проект в течении многих лет стоял в центре внутривнутриполитических дискуссий, в 1928—30-х годах с ним связано движение, направленное против «правого оппортунизма» и «примиренчества». Вплоть до 1956 года планом тезисов в исторической литературе почти не занимались. Молчание вокруг них было нарушено лишь однажды: в 1949 году, в овремя так называемого диспута о Лукаче. Впервые летом 1956 года тезисы были вынесены на открытую дискуссию, а в 1963 году они были подвергнуты детальному обсуждению. В своих мемуарах, написанных в старости, (Мое марксистское развитие: 1918—1930) он характеризовал время появления тезисов Блюма, как переходный период в собственном душевно-политическом развитии: переход от ультралевого революционизма к политическому реализму. По мнению автора надо принять и тот вывод Лукача, что тезисы, хотябы с точки зрения взятия курса на демократическую диктатуру, «отображают теоретическое заключение практики партии, вернее, одного из ее направлений».

Тезисы имеют, однако, еще более глубокое значение, и в самом деле именно это связывает их с умственной работой Лукача. В этом случае хорошо может быть прослежено качество Лукача, которое слабее выражено у Реваи, а, именно: он всегда пытался связать вопросы текущей политики с политической теорией и одновременно увязать ее со своими

уже сложившимися политическими предствалениями. На основании этого концепция тезисов Блюма может быть расценена как последняя попытка приобщения к практике идей, обоснованных Лукачем в начале 20-х годов, т. е. попыта найти соответствие между в 1928 году существующей лишь частично теорией о революционно-утопическом обществе с политической действительностью. Неудача этой попытки завершила длинный этап жизненного пути Лукача и дала, одновременно стимулируясь историческими событиями, новое направление его жизненных целей к идеям, изложенным в «Низложении разума» и от которых он уже больше никогда не отступал. Автор статьи в дальнейшем знакомит с содержанием тезисов Блюма. Самая важная часть тезисов посвящена проблеме мирового капитализма. Кризис его, по мнению Лукача, не экономическими трудностями капиталистической системы а в первую очередь его политической системой, связано с коренными изменениями в отношениях между демократией и капитализмом. В связи с этим первоочередной задачей он считает разоблачение самой постановки вопроса: демократия или фашизм. После этого Лукач в плане тезисов переходит к принципиальному обоснованию необходимости в Венгрии деократической диктатуры. Анализируя содержание плана тезисов, автор доказывает, что Лукач по существу оперирует двумя видами «демократической диктатуры»: первая, рабоче-крестьянская диктатура, действительна для отсталых и слаборазвитых стран, вторая, демократическая диктатура, относится к современной Европе. Лукач стремился идеологически обосновать официальную точку зрения коммунистов и как-бы в замен призывал к тому, чтобы коммунистическое движение дало демократический ответ антидемократическому капитализму: вместо социал-демократической, по мнению Лукача неправильной, альтернативы-демократия или фашизм поставить альтернативу-капитализм или демократия. В завершении автор анализирует критику тезисов Блюма, изложенную Белой Кун, который, признавая программу неперменного осуществления диктатуры пролетариата, прежде всего, критикует концепцию о диктатуре Лукача. В заключении *Миклош Лацко* констатирует, что в дискуссии, развернувшейся вокруг тезисов Блюма, столкнулись не только секторианские и антисекторианские направления, но и отразилась борьба двух видов сектарианства, а именно: борьба между «консервативным левизмом» Бела Кун, который носил в себе все усиливающиеся черты связанного с «реализмом в политике» бюрократического сектарианства, и представленными Лукачем, также ищущем дорогу к действительности, остатками утопистского, мессианского сектарианства, который по своему характеру был непосредственно связан с мечтой рабочих о демократии.